

С ПОЗИЦИЙ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Т. А. РОММ,
кандидат педагогических наук,
г. Новосибирск

Год рождения пионерской организации. Далекий 1922-й. Говоря о целях, которые ставило общество перед пионерами, необходимо учесть три аспекта:

во-первых, *онтологический*, т.е. каковы цели и миссия феномена детского движения, независимо от наших интерпретаций;

во-вторых, *аксиологический* аспект: ориентированность на какие ценности «высвечивается» в целях и задачах в конкретно-исторический момент, какие ценности опосредуют эту онтологическую сущность;

и, наконец, в-третьих, *эпистемологический* аспект: каковы способы представления и презентации этих целей в общественном (политическом, научном, социальном, бытовом и пр.) мнении.

В отношении 1920-х гг. можно утверждать, что это, может быть, самый интересный с точки зрения целеполагания, период в детском движении. Еще существует многообразие практик детского движения, еще не выработаны и не приняты к руководству действием «единственно верные» целевые ориентиры. Многообразие целей как раз и отражает онтологическую сущность феномена детского движения, в котором «пересекались» интересы и потребности различных субъектов: общества в широком социальном смысле

слова, государства, семьи, социальных групп, отдельно взятого общественно активного взрослого и такого же социально ориентированного ребенка. Причем ребенок как субъект детского движения испытывал также различные социальные и витальные потребности, которые он стремился удовлетворить при помощи детской общественной организации: в социальной защите, в общественно-политической активности, в игре, в улучшении окружающей жизни, в самореализации и пр. Важным представляется факт сосуществования этого многообразия ценностей как многоуровневой (или, скорее разноразноуровневой) иерархии, отражавшей интересы различных субъектов, возможности различных учреждений и организаций, социальный заказ общества и государства. Объединяющей была установка на признание и достижение ценности социального общества, ребенка. Вопрос только в том, чем представлялось это «социальное». И если решение проблем беспризорности, неграмотности, сохранения государственности в 1920-е гг. было значимо, актуально как с точки зрения государства, общества, так и с точки зрения детства, уже выделившейся категории социально-активных детей и подростков, то отражение в целях и задачах детского движения ценностей патриотизма, самодеятельности, социальной активности и ответственности - вполне естественны.

Принципиально важно, что ценностно-целевое многообразие в этот исторический период было еще опосредовано антрополого-гуманистическими установками, «доставшимися» от дооктябрьской традиции: ори-

ентация на ценности развития (социальное, нравственное, творческое, физическое и т.д.), на гармонизацию интересов и потребностей личности и государства, на понимание солидарности как высшего выражения нравственности. (К сожалению, впоследствии, именно эта антропо-социоориентированная установка постепенно стала заменяться на тотально социоориентированную).

Проблема современного целеполагания детского движения заключается в ценностной неопределенности общества и государства вообще, относительно детства - в частности. Для родителей, государственных деятелей, представителей общности (научной в том числе) образ детского движения его целей и задач видится по-разному. Но здесь и заканчивается сходство с периодом 1920-х гг. Для современного российского общества установка детского движения на социальность целей и задач неочевидна. Прежние, макросоциальные характеристики, отражающие доминанты внешних объективных явлений и процессов (нормы и ценности, одобряемые и принимаемые всем сообществом) стали неактуальны или невозможны, а представления об ином микроуровне социальности, в котором отражается специфика субъективного выражения человеком себя в мире, поиска своей социальной идентичности на основе реализации активности, пока неактуализированы достаточно. Признавая на словах антропологические, гуманистические, личностно-ориентированные и др. установки как доминирующие в подходах к детскому движению, на практике по-прежнему преобладают нор-

мативные установки на внешние ориентиры, макросоциальные процессы (этнические, религиозные, политические, культурные и пр.), которые сегодня крайне противоречивы. Это приводит к тому, что цели, которые выдвигаются перед детьми, существуют зачастую как внешние ориентиры по отношению к их внутренним потребностям, прежде всего, к потребности в самостоятельной социальной активности. Подчеркну, именно, в самостоятельной, то есть осознанной, осознаваемой и реализуемой как самостоятельной. Т.е. происходит игнорирование онтологической сущности феномена детского движения.

Цели и задачи, которые ставятся перед детским движением сегодня, не всегда обоснованы и с аксиологической точки зрения. Состояние анемии («разнорядности» по Р.Мертону) сегодняшнего общества затрудняет формирование доверия к идее патриотизма, социальной активности, общественной полезности и пр. Эти ценности недостаточно убедительно презентованы, представлены, обоснованы (научно, публично, социокультурно и пр.) в глазах общества как сообщества родителей, самих детей и пр. Отсюда - «заигрывание» с детским движением, когда в качестве целей детских общественных организаций объявляются творчество, досуг, спорт, самовыражение, игнорируется то, что сфера деятельности этих специфических общественных объединений связана с решением конкретного класса задач, связанных с реализацией растущим человеком социального в обществе, с обществом и для общества

Поэтому, исключая обсуждение идеологического компонента целей детского движения (о

чем сказано уже достаточно) и признавая феноменальную природу детского движения, мы должны согласиться с тем, что во все времена его цели и задачи в целом относительно одинаковы: осуществление потребности ребенка-подростка-молодого человека в социальном. Разница в том, чем опосредованы и обоснованы эти цели, в каком направлении развернуты, чем и как организационно-методически обеспечены.

Не знаю, насколько можно говорить в целом о «методике деятельности пионерской организации», так как теоретическое представление о ней очень сильно отлично от практики. То есть «теоретический образ» этой методики, заявленный и подкрепленный программными документами, учебниками, учебными планами и пр. и собственно состояние, реализация методики в реальной деятельности пионерских отрядов, дружин были не тождественны. А еще существовало субъективное восприятие этой методики отдельным человеком (ребенком, взрослым), который был в нее погружен.

Для нас, студентов, выпускников историко-педагогического факультета Новосибирского государственного педагогического института в 1980-е гг., методика пионерской работы прочно ассоциировалась с «орлятской методикой» в самых идеальных ее выражениях. Возможно, призма такого восприятия методики деятельности пионерской организации определена исторической традицией, сложившейся в Новосибирской области. Практика пионерства здесь во второй половине XX века оказалась тесно связана с деятельностью Ю. М. Шарова, С.А. Шмакова, О.С. Газмана. И

образ именно «шмаковско-газмановского» «Орленка» нам смогли передать и закрепить на уровне уже профессиональной подготовки (как «методистам по пионерской и комсомольской», позднее «по воспитательной работе») наши педагоги, бывшие ученики, коллеги С.А. Шмакова и О.С. Газмана: Н.П. Аникеева (одна из активных последователей и участник «Фрунзенской коммуны»), Г.В. Винникова (это в ее отряде «Альтаир» А.Н. Пахмутова написала свой знаменитый «Звездопад»); М.С. Коган, воспринявшая и продолжающая сегодня идеи С.А. Шмакова.

Коммунарство в 1980-е гг. уже не было столь популярно, но идеи коммунарства, перекликающиеся с «орлятскими» принципами, на уровне методики организации деятельности также воспринимались хорошо. Это было связано с деятельностью Л. Г. Борисовой.

Ставшая традиционной с начала 1970-х летняя педагогическая практика в «Орленке» (потом и в «Артеке») была очень значимым ценностным ориентиром для нас, студентов. Но она никогда не воспринималась только практикой в лагере как временном детском коллективе. «Орленок» для нас оставался именно тем, чем он и замышлялся его идейными вдохновителями: научно-методическим центром для пионерской организации. Следовательно, «орлятская» методика и была для многих из нас методикой пионерской работы вообще. Что кажется ценным?

С позиций сегодняшнего дня выделила бы несколько важных аспектов.

Во-первых, это была не столько и не только «методика деятельности» с пионерами, сколько «методика перевода

этой деятельности в отношении к себе, к другим, к миру».

Во-вторых, значимость эмоционального компонента в организации и проведении любого дела. Я бы сказала, что существовала настоящая «методика эмоционального сопровождения». Благодаря этому общественно-значимое воспринималось и реализовывалось через субъективное переживание и проживание ситуаций, что, кстати, очень сильно усиливало саму значимость социального. Внешний план становился внутренним, благодаря этому индивидуальные цели не противопоставлялись общественным.

В-третьих, оптимизация отношений взрослого и ребенка в детской организации за счет организованной совместности в планировании, организации, проведении дел (кстати, с «Орленка» и до сих пор слово «мероприятие» режет слух до невозможности).

Неотъемлемым компонентом методической системы пионерской организации была фигура вожатого. Уникальность социальной роли вожатства проявлялась в странной двойственности: с одной стороны, официальная позиция вожатого была пронизана идеологическими значениями, подкреплена официальной поддержкой государства (во всех средних учебных заведениях СССР ставка вожатого была обязательной); с другой - именно в вожатской среде появлялись многие неформальные воспитательные проекты, развивавшие гуманистическую традицию отечественной педагогики.

Вожатство было специфическим родом деятельности: чрезвычайно массовая, в определенной мере - демократичная доступная всем, не стан-

дартизированная деятельность. Отсутствие рамок давало преимущества в проявлении индивидуальности вожатого, в широком доступе к этой деятельности огромному числу интересных, неформальных людей - не педагогов (достаточно вспомнить тот же «Орленок», Фрунзенскую коммуны). Но это же зачастую приводило к обратному эффекту: безответственности, бессмысленности, формализму в реальном воспитательном процессе.

Позиция вожатого представляла собой комплекс взаимодействующих ролей: представителя взрослого сообщества, профессионала, увлеченного определенным видом деятельности, гражданина, просто человека, старшего товарища, друга - и в этом были ценности вожатства для самого ребенка. Отношения взрослого - вожатого и ребенка по определению в большей мере отвечают сущности гуманистического взаимодействия, чем отношения «педагог - ребенок». В этих отношениях больше взаимозависимости, необходимости сотрудничества, что определено специфичностью деятельности и, зачастую, временными и пространственными рамками этой деятельности. В этом же и потенциал негативности - возможность манипуляции детьми. В силу того, что идея игры, романтики, эмоциональной насыщенности актуализировала именно эмоционально-личностное взаимодействие, это притягивало к работе с пионерами людей харизматичных, но с самыми различными мотивами, когда сама деятельность становилась средством удовлетворения этих мотивов. Иногда это было неосознанно по причине ограниченного в силу возраста

социального опыта вожатого, и опять же в силу недостаточного профессионализма.

А если размышлять в целом о методической системе пионерской организации, то, конечно, нужно отметить ее логичность: было поле специфической деятельности, под нее была разработана методическая система, для ее освоения существовала программа профессиональной подготовки. Может быть, это самое важное.

Феномен не только само детское движение, но и сама ВПО - тоже феномен.

Во-первых, благодаря массовости организации, длительности ее существования и вниманию общества, государства, педагогической науки к пионерской организации в России сформировалось устойчивое признание актуальности и значимости проблем развития социальной активности ребенка, ее реализации как неотъемлемого компонента жизни детско-подросткового сообщества. Принципы детской самостоятельности, реализация творческого потенциала каждого ребенка через коллективную творческую деятельность, подлинный гуманизм отношений воспитателя и воспитанников - вот лишь малая часть того реального вклада истории ВПО в педагогическую науку. Многие из тех, кто начинал свою педагогическую деятельность в качестве вожатых (О.С.Газман, А.В.Мудрик, С.А.Шмаков и др.), стали известными оригинальными учеными.

Во-вторых, несмотря на то, что пионерская организация была локализована в школе, ее существование (иногда на принципиальном противопоставлении) способствовало формированию разнообразного вне-

школьного пространства, в котором создавались возможности социального творчества, самореализации, самоопределения ребенка. Так начиналась Фрунзенская коммуна. Для Новосибирской области таким пространством стало, например, пространство детского летнего лагеря. Наверное, в этом «заслуга» и методической системы, которая обладала колоссальным организаторским потенциалом. И по сегодняшний день, когда популярны и распространены всевозможные тренинги («достижения успеха», «согласия», «копинг-стратегии» и пр.); доступны разнообразная психолого-педагогическая информация, психологическое, менеджерское образование, тем, кто учился на «истпеде», получил профессиональную подготовку «методиста», не представляет труда быть успешными в социальной сфере.

В-третьих, «пионерство» было одним из символов советского государства, обладающим объединяющим потенциалом. К 80-м годам, мало кто из работоспособного населения не был пионером. Наличие объединяющих символов означает существование ценностного

единства в обществе. Можно размышлять, кого и как объединяло пионерство. Но отрицать сам факт момента единства - сложно. Мы «говорили» на одном языке, пели одни песни, смотрели одни фильмы и пр. День рождения пионерской организации - 19 мая был праздником: потому что весна, цвела черемуха, алые галстуки, играла музыка, все улыбались...

Возможно ли, что появится вновь нечто подобное?

Да, если новая организация сможет найти собственное поле интересов, свою целевую аудиторию, сможет уловить специфичность своих целей и задач. Да, если обретет свой печатный орган, тем более это актуально в современном информационном обществе: информационные вопросы оказываются решающими.

И если решится вопрос о кадрах взрослых для этой организации.

Идея существования «профессионального сообщества» относительно деятельности детского движения - это отдельная тема для размышлений. (Каким может быть такое сообщество взрослых? Как оно может функционировать? Какую профессию, в конце концов, оно будет представлять?).

Здесь хотелось бы только отметить, что значимость существования подобной организации с точки зрения взрослых (как показывают результаты опросов), очевидна: 27% опрошенных считают необходимым создание такой организации, 36% - возможным, 36% - не видят в этом необходимости. Ясно, что это «профессиональное» сообщество должно представлять не государственную структуру, т.к. в условиях гражданского общества, которое признает и декларирует многообразие субъектов общественной деятельности, в том числе и в сфере детского движения, одно государство без поддержки родителей, других общественных сил не может быть ответственным за эти процессы.

Главная миссия подобного сообщества взрослых может заключаться в обеспечении гарантий защиты прав ребенка, участвующего в детской общественной организации, прав взрослого (родителя, руководителя), - некий «профессиональный аудит», способный быть «третьей силой» между всеми заинтересованными в детском движении сторонами.

